
БУДУЩЕЕ РОССИИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Перспективы российского общества в XXI веке – окончательный «уход» или модернизация¹

Г.А. ЯВЛИНСКИЙ, А.В. КОСМЫНИН

Система периферийного капитализма, сформированная в 90-х гг., в последние 10 лет закреплялась. Ни персональные изменения во власти, ни трансформация политического ландшафта, ни «антиолигархические» кампании, ни рост цен на нефть, повлекший рост доходов населения, не затронули ее основ. Краткая характеристика сегодняшней России – период «развитого периферийного капитализма». Эта система обладает определенной устойчивостью, но в динамичном мире XXI века она обрекает страну на безнадежное отставание, а при определенных условиях может привести к серьезным потрясениям. Путь к преодолению периферийного капитализма лежит через преодоление разрыва между обществом (народом) и государством, воссоздание российского государства на качественно новой основе. Ниже мы предлагаем «дорожную карту» российской модернизации.

Ключевые слова: «реакция ухода», модернизация, права и свободы, легитимность, «круглый стол», Учредительное собрание, меры доверия, судебная реформа, деолигархизация, права собственности, институциональная инфраструктура современного общества, стимулы к модернизации, «номенклатура», элита

Периферийный капитализм: отсутствие перспективы

Рост доходов в последние десять лет привел только к консолидации и консервации тех негативных явлений, которые сложились в 90-е гг. как в отношении структуры общества, так и в направленности ее развития. «Средний класс» сегодняшней России по-прежнему формируют профессиональные чиновники, те, кто связан с экспортом сырья, представители сферы обслуживания.

«Укрепление государства» 2000-х – это не изменение сложившихся в первое постсоветское десятилетие взаимоотношений власти и крупного бизнеса, а уничтожение гражданской альтернативы. В начале десятилетия проводилась активная политика подмены и имитации, которая затем сменилась прямым подавлением.

---

¹ Данная статья является продолжением статьи «Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? Российское общество как процесс», опубликованной в журнале «Мир России», № 2 2011 г.

Самым серьезным социальным следствием политики власти постсоветского двадцатилетия стала активация схемы «ухода» – сначала как реакция на шоковый характер реформ, а затем на авторитаризм и равнодушие власти. Современные формы «ухода» – эмиграция, в том числе, «утечка мозгов», социальная пассивность, политическая апатия², уход в теневую экономику, расширение и углубление криминализации социального поведения значительных слоев общества, актуализация дезинтеграционных процессов – инфраструктурных, социально-политических, региональных, асоциальное поведение (алкоголизация, наркотизация).

Подчеркнем, что речь идет не о последствиях экономического кризиса, которые можно сгладить дополнительным финансированием и компенсировать за счет очередного скачка скачком цен на энергоносители. В системе периферийного капитализма рост доходов не пропорционален росту качества населения³.

При сохранении относительной стабильности и основных рычагов управления у государства существующая ситуация – это путь к росту апатии, безынициативности общества, к окончательному закрытию возможности выхода России в число ведущих мировых экономик и интеллектуальных центров мира. При неблагоприятном развитии событий и нарушении стабильности возможен новый коллапс государства, которое также как в 1917-м и 1991-м гг. останется без общественной поддержки один на один с деструктивными процессами и силами. Опереться будет не на кого: разрыв между рейтингами первых лиц, на который обычно ссылаются, говоря о поддержке власти населением, и рейтингами абсолютного большинства государственных институтов, показывающими отношение граждан к государству, очень велик⁴. Необходимо также отметить, что риски, связанные с авторитарным государством, ориентированным на внешнеполитическую конкуренцию, возрас-

---

² Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) только с 2005 г. по март 2011 г. доля тех, кому политика интересна, сократилась с 48 до 39%, а тех, кто не уделяет ей внимание, напротив, увеличилась с 50 до 59%. [ВЦИОМ, (3) 2011] При этом 58% россиян считают, что политика «дело грязное» и высоконаравственных людей в ней быть не может. [ВЦИОМ, (4) 2011].

Один из ведущих отечественных экспертов по проблемам коммуникации Иосиф Дзялошинский отмечает: «Социологи и политологи знают, что, начиная примерно с 2000 года, все большая часть населения уходит в «приватизацию» жизни. По моим данным, около 70% россиян вообще изыали себя из общественной и публичной сфер! Гражданин у нас ни за что и ни перед кем не отвечает, кроме как перед своими чадами и домочадцами» [Дзялошинский 2011].

³ См. Н.А. Зубаревич, которая утверждает: «Принято считать, что корень социальных проблем – в низких доходах, а с ростом доходов повысится и качество населения. В долгосрочной перспективе такая взаимосвязь существует, но нельзя забывать о роли социокультурной среды, которая крайне важна для России. Многие регионы и города страны плохо приспособлены для полноценной жизни, а рост доходов без модернизации образа жизни может привести к снижению качества населения. Например, проблема СПИДа и наркомании как основного канала распространения инфекции наиболее сильна в богатых регионах и городах (особенно ресурсодобывающих) без достаточно развитой социальной среды, таких как Иркутская, Самарская, Свердловская области, Ханты-Мансийский АО и др. Это проблема «потерянного» поколения – молодежи из небедных семей, но без развитых потребностей и мотиваций. Темпы роста численности инфицированных остаются высокими, география расширяется, поэтому качество молодого населения даже в богатых регионах может снижаться» [Зубаревич 2008, с. 187-188].

⁴ Согласно индексу доверия к политикам ВЦИОМ самый высокий индекс доверия в середине марта 2011 г. у В.В. Путина (40), за ним следует Д.А. Медведев (от 32), далее с огромным отрывом С. Шойгу с показателем 4 и С. Иванов – 1 [ВЦИОМ, (1) 2011]. Индекс одобрения деятельности президента – 38, премьер-министра – 42, возглавляемого им правительства – 17, а рейтинг доверия Государственной Думе в 2011 г. еще не выходил из минуса [ВЦИОМ, (2) 2011]. Та же тенденция отражается в показателях участия россиян в политической и общественной жизни – на фоне прогрессирующего снижения общественной активности число «неучаствующих» становится меньше только в годы федеральных выборов: 2004 – 32% «неучаствующих», 2006 – 52%, 2008 – 45%, март 2011 – рекордный 61% [ВЦИОМ, (4) 2011].

тают. К распаду государства может привести внешнеполитическая авантюра, несравнимо меньшая по масштабу, чем Первая мировая война или холодная война.

Объективная потребность в реформах, в модернизации абсолютно очевидна почти всем. Возможно, это не до конца ясно только на самом верхнем бюрократическом этаже общественной пирамиды, где достижение и удовлетворение частных целей или интересов создает иллюзию движения, в целом, в правильном направлении. Однако на нижних, средних ее этажах острота проблем общественного масштаба ощущается отчетливо и уже не может быть заслонена мелкими частными приобретениями и успехами.

Почему же ощущения дискомфорта, испытываемое сегодня большинством общества, и понимание вышеприведенных весьма тревожных тенденций, которыми переполнена наша либеральная пресса, не выливаются в борьбу за социальные и политические права, в голосование за оппозицию на выборах и иные формы политической активности? Еще раз подчеркнем, что дело, по нашему мнению, не в ментальной архаике и патриархальности традиций.

Первая реальная проблема, связанная с состоянием общественного сознания – это уже отмеченное нами распространение различных форм «ухода».

Во-вторых, уже внутренняя политика «реформаторов» 90-х, атомизировав и грубо индивидуализировав общество и практически ликвидировав фальсификациями голосования на президентских выборах и игнорированием мнения парламента связь между результатами выборов и социально-политической жизнью в стране, сделала мысли о переустройстве уклада жизни мечтами, мало соотносящимися с повседневной практикой. Внутренняя политика 2000-х окончательно закрепила эту тенденцию: несмотря на то, что люди хотят перемен и готовы им способствовать, они не верят в их реальность, в принципиальную возможность разорвать порочный круг политического сущего. По-европейски рациональной реакцией на сегодняшнюю социально-политическую действительность является приспособление, а не протест.

Кроме того, препятствием для движения к организации общественной жизни, соответствующей времени, часто становится не косность мышления, не традиция, а упрощенно, инверсионно усвоенное представление о прогрессе⁵. Доказательство – дискуссия о модернизации, которая мечется между советско-азиатским идеалом модернизации сверху, «жесткой рукой», и идеалом свободы, основанном на ельцинских 90-х. Несмотря на это, для нас очевидно, что общественная потребность в реальной модернизации, направленной на создание нового качества жизни, будет пробивать себе дорогу даже в условиях укрепившегося в последние годы общественного застоя, располагающего к конформизму и уходу от активных проявлений протестных настроений.

---

⁵ В 2001 г. во время событий вокруг силовой ликвидации телекомпании НТВ и холдинга Медиа-Мост в целом наибольшим, на наш взгляд, препятствием для консолидации общества была не традиционная пассивность (митинги в защиту НТВ собирали тысячи человек, подписей собиралось на порядки больше), не «державность», уходящая корнями в «московскую» историю, а утвердившееся в новом «среднем классе» представление о корпоративной этике. Дело здесь не только в том, что многие журналисты стыдили коллег, осмелившихся не по-современному «жить кишками наружу», а в том, что подобного рода тезисы упали на благодатную почву. Да и на смену пришли не дикторы ЦТ советской выучки, а амбициозный «второй эшелон» журналистов, профессионально сформировавшихся в 90-е. В этом контексте только с улыбкой можно отнести к рассуждениям о «социокультурном расколе общества», наличии «культурного авангарда», обладающего современным сознанием и инертной массой, «гасящей» модернизационные импульсы.

При этом нельзя просто положиться на то, что снижение авторитарной нагрузки на социально-политическую систему, предоставление гражданам реальных политических и гражданских свобод постепенно выведут страну на перспективный путь развития.

Описанное нами в предыдущей статье расколотое, эклектичное сознание нестабильно, оно находится в движении. Если оно не будет двигаться к современной европейской организации взаимоотношений между обществом и государством, оно будет деградировать и «сваливаться» в национализм, реваншизм, вместо следования к реальной цели будет стремиться в мир утопий и фантомов.

Один из главных уроков наших реформ заключается в том, что само по себе, «невидимой рукой» ничего позитивного не делается, происходит только накопление энтропии, которое затем выливается в хаос и развал.

Что и как делать – Дорожная карта российской модернизации

Сегодня мы видим свою задачу в том, чтобы, не дожидаясь грядущих кризисов, попытаться сформулировать и предложить своего рода «дорожную карту» будущих российских реформ, исходя из реалий в стране и мире и из фактически имеющих, а не воображаемых возможностей российской власти. Итак, что для этого необходимо? В первую очередь, необходимо внести ясность в вопрос о конечных целях. Ныне существующая ситуация, когда отсутствие стройной и непротиворечивой системы представлений о будущем страны компенсируется абстрактными лозунгами «величия и процветания», аморфной и беззубой идеологией «центризма» или тавтологичными заявлениями о свободе, не может быть более терпима. Необходимо определиться, какие ценности будут культивироваться в нашей стране с ее противоречивым прошлым и не менее противоречивым настоящим; какое место она будет занимать в мире – в мире, который в обозримом будущем неизбежно будет оставаться внутренне разделенным, – через десять, пятнадцать, двадцать пять лет.

Нравится это нам или нет, но реальность нашего времени такова, что мир продолжает оставаться крайне неоднородным – наряду с группой стран, концентрирующих у себя большую часть наиболее ценных экономических ресурсов, в первую очередь, интеллектуальных и технологических, а также финансовых и силовых, существует и будет существовать огромная мировая периферия, лишенная доступа к основной части благ, являющихся результатом использования этих ресурсов. Для России как страны, находящейся сегодня в «серой зоне», где имеются объективные предпосылки для движения в разных направлениях, существуют только два пути: либо, используя эти предпосылки, попытаться стать частью ядра мирового капиталистического хозяйства (этот путь условно можно назвать «европейским выбором» для России), либо искать свое место на его периферии. Можно приводить аргументы в пользу того или другого варианта, но очевидным должно быть одно – никакого «третьего», «евроазиатского», какого угодно «своего» пути нет и не будет.

Страх поступиться частью собственного суверенитета как аргумент против «европейского» или «евроатлантического» пути для России понятен и даже от-

части обоснован. Но единственная альтернатива – место на периферии мировых процессов. Она также неизбежно связана с ограничением государственного суверенитета – не обязательно формальным, но по существу еще более значительным, поскольку суверенитет и независимость имеют смысл только в той степени, в какой имеются практические возможности их реализации. Суверенитет слабого и зависимого – это как свобода без денег: вроде бы есть, а воспользоваться невозможно.

Компас для реформ

Если же мы посмотрим на то, чем отличаются страны, входящие в первую группу, от остальных, то нельзя не признать в качестве общей и объединяющей их черты наличие определенного набора базовых ценностей, к которым в первую очередь относятся приоритет прав человека, в том числе права собственности, индивидуальная свобода и понятие социальной справедливости.

Можно спорить о том, что первично – эти ценности или экономическая эффективность. Является ли относительное экономическое процветание этой группы стран следствием приверженности их политической элиты названным ценностям или, наоборот, экономическое благополучие создает возможности для относительно более полной реализации принципов личной свободы, безопасности и сглаживания социального неравенства? Представляется, что истина в этом споре лежит где-то посередине, но главное в другом. Признавая, что было бы контрпродуктивно, да и просто глупо, пытаться немедленно перекроить ткань общественных отношений в строгом соответствии с названными ценностями, нельзя вместе с тем не видеть, что без формулирования их как общественных целей, как ориентира при выборе стратегии никакие реформы как средство модернизации российского общества невозможны. Модернизация государства без человека, без провозглашения и реального приоритета интересов конкретного гражданина неизбежно приведут нас в ряды наций бедных и бесправных, то есть в конечном итоге к ситуации, прямо противоположной задачам модернизации.

Итак, первым шагом на пути реальной модернизации и эффективных реформ как ее инструмента должно быть принятие в качестве базовых ценностей человека и гражданина, и его свобод; его права на собственность и одновременно на социальную справедливость; приоритета института права по отношению к соображениям политической целесообразности и субъективными представлениями о ней конкретных лиц, наделенных властью и собственностью. Естественно, речь идет не о слепом следовании этим принципам во всех возможных ситуациях, но о принятии их в качестве главных, базовых ориентиров. Другими словами, понятия правового государства, гражданских прав и свобод, социальной справедливости должны стать своего рода компасом «дорожной карты» российских реформ.

Мы также должны трезво отдавать себе отчет, что подлинные реформы, которые еще только предстоит начать, стартуют не с чистого листа. Нынешнее российское общество – отнюдь не *tabula rasa*, у него есть своя история, да и у самих реформ – предыстория в виде весьма неоднозначных событий последних полутора десятилетий, кото-

рые наложились на имперскую самодержавную и советскую тоталитарную традицию. Соответственно, прежде чем начинать собственно реформы, необходимо определиться с существующими условиями и, главное, извлечь уроки из провалов в недавних реформах, а также подвести некую черту под нынешним периодом российской истории со всеми его политическими, социальными и экономическими последствиями.

Как осуществлять реформы в России, чтобы они были эффективными, глубокими и необратимыми? Осмысление теории реформ с учетом российской культурной и исторической традиции и критический анализ их практики позволяет сформулировать некоторые уроки⁶.

Урок первый. Главный объект реформы, претендующей на эффективность в условиях XXI в. – общественное сознание. Реформа утверждается через мотивы и ценности, через сложившуюся культуру, и именно в этом смысле в конечном счете – через законы. При этом общество и его сознание нельзя «ломать через колено». Реформам нужно прорасти, а не перелом. Никакие решения не могут быть реализованы, если они противоречат жизненным интересам абсолютного большинства людей.

Урок второй. Нельзя раскалывать общество. Цель модернизации – интеграция общества, а не его разделение. Носители модернизации, ее движущие силы, очаги и островки должны быть связаны со страной. Концепция модернизационного «локомотива», который подтянет к себе всю страну, не сработает. Государство должно быть инструментом интеграции общества, а не «локомотивом реформ», опережающим общество. Необходимо формирование такой государственности, которая осуществляет задачу интеграции массового сознания.

Урок третий. Не следует искать готовых решений в своем или чужом прошлом. Нельзя копировать готовые решения, необходимо вырабатывать пути трансформации, применимые к данному обществу в данный момент.

Урок четвертый. Скорость реформы – не главное. Постоянное ожидание быстрого эффекта и истерия по этому поводу крайне вредны в стратегическом плане. Это очевидно на расстоянии, но надо научиться видеть это внутри процесса.

Урок пятый. Необходимо избегать «реформаторского фетишизма» – сведения реформы к одному элементу, например, к экономике, а внутри экономики – к монетаризму.

Урок шестой. В целом, реформа – это не поход армии. Это тропинка, которая иногда исчезает. Это выращивание будущего из небольшого первоначального звена, обладающего зачаточными чертами реформы.

Власть

С точки зрения необходимости подведения черты под прошлым и создания необходимых условий для осуществления реформ первым вопросом является вопрос о власти. Нынешняя официальная власть в России (мы здесь имеем в виду не только

⁶ См. также А.С. Ахизер «Россия: критика исторического опыта». Том III. - М.; Изд-во ФО СССР, 1991, стр. 295-322.

главу государства, но всю систему государственной власти на всех ее уровнях) есть продукт полутора десятилетий, включавших в себя неоднократные колоссальные политические потрясения (достаточно вспомнить 1991 и 1993 гг.), неоднократные нарушения политической преемственности, кулуарную разработку и фактическое навязывание обществу системы организации государственной власти и ее почти перманентную перекройку. Более того, на этом фоне власть неоднократно лгала обществу, подменяла понятия, отказывалась от своих обязательств перед ним. Все это не может не сказываться на восприятии обществом государственной власти в плане ее легитимности – пусть не в форме прямого и публичного оспаривания последней (такие вещи сравнительно легко поддаются пресечению и контролю), но в форме скептического и цинично-равнодушного отношения населения к деятельности государственных институтов и готовности саботировать любые их решения. Одновременно власть унаследовала в полной мере традиции предыдущей эпохи, которые были заложены еще Сталиным.

Для действительных реформ такая ситуация – очень мощное, если не непреодолимое препятствие. Для того чтобы созидательные реформы могли иметь шанс на успех, доверие населения к институтам государства, авторитет закона и государственных решений вообще должны быть существенно выше, чем мы имеем сегодня: другими словами, государственная власть сегодня нуждается в новой легитимности.

Во-первых, через предоставление более широких возможностей доступа к рычагам государственной власти представителям политических и социальных групп, альтернативных правящей, в обмен на гарантии с их стороны уважения основ конституционного строя и незыблемости принципов построения и функционирования системы власти в стране.

Во-вторых, через «деолигархизацию» власти. Необходимо принятие путем компромисса пакета законов, ограничивающих политическое влияние крупных собственников путем резкого повышения прозрачности процесса принятия экономически значимых решений и формулирования четких и не подлежащих двойному толкованию оснований для отмены государственных решений, вынесенных в интересах отдельных групп и личностей в обход установленных законом процедур, а также путем привлечения к ответственности их инициаторов.

Говоря в целом, необходимы качественные изменения в системе «человек-общество-государство», создание государства, которое люди считали бы своим. Для этого нужны реформы или модернизация, суть которой в сложившихся условиях в достижении следующих трех целей:

- закон должен стать одинаковым для всех;
- создание реально действующей системы разделения властей;
- обеспечение неприкосновенности частной собственности.

Однако наблюдение за процессами, происходящими в обществе и общественном сознании, а также анализ попыток и проектов реформ последних 20 лет, все больше утверждает нас в мысли, что эти меры необходимы, но недостаточны и, более того, не реализуемы в полной мере без коренного преобразования российского государства на основе восстановления исторической преемственности.

Именно поэтому мы говорим не о дополнительной легитимации существующего государства, а о новой легитимности, фактически о переосновании государства. Современная Россия должна продолжить и завершить политическую трансформацию от самодержавия к демократии, начатую весной 1917 г. и прерванную антигосударственным переворотом октября 1917 г. и разгоном всенародно избранного Учредительного собрания.

Подробное обоснование и хотя бы примерные рамки этого проекта – тема для отдельной работы. Здесь же отметим, что обязательными его элементами являются:

- ясная и недвусмысленная правовая, политическая и нравственная оценка насильственного захвата власти, совершенного большевиками в 1917–1918 гг., характера и природы созданного ими политического режима и его последующей деятельности;

- разработка комплекса мер по восстановлению единства российской правовой системы, устранению последствий преступлений и беззакония советской системы,

- подготовка и проведение в ближайшие десять лет Учредительного собрания, принятие новой Конституции, закладывающей основу действительно правовой системы несоветской России.

Учредительное собрание – тема не новая. Тем не менее, очень возможно, она станет в недалеком будущем весьма актуальной⁷. Поскольку мы считаем безусловным приоритетом недопущение любых форм насилия, то формой процесса продвижения к Учредительному собранию мог бы стать диалог с властями, например, в форме круглого стола, позволяющий искать компромиссные и промежуточные решения, сохраняя при этом главную цель – изменение политической системы – создание в России правового государства, основанного на международных стандартах прав и свобод человека, сменяемости власти при помощи свободных и справедливых выборов, независимости правосудия, неуклонного соблюдения прав частной собственности. Стратегия и тактика такого круглого стола, состав его участников и многое другое, связанное с этим – тема для отдельного разговора⁸.

Суд

Вопрос о судебном арбитраже как независимом институте хозяйственной и политической жизни является ключевым для всей системы модернизации. Точно так же, как никакая сколько-нибудь сложная спортивная игра не может быть организована без независимого нейтрального судейства, так и экономическая и полити-

---

⁷ Авторы статьи выражают благодарность д.и.н. А.Б. Зубову, д.ю.н. М.А. Краснову, авторитетному общественному деятелю А.Н. Келину и адвокату Н.А. Бобринскому, а также к.и.н. Т.В. Черниковой, д.и.н. В.И. Уколовой, к.х.н. В.В. Когану-Ясному, к.п.н. С.С. Митрохину, к.э.н. С.В. Иваненко и Е.А. Диллендорф, которые внесли вклад в обсуждение и формирование идей, связанных с Учредительным собранием.

⁸ Идея необходимости политического круглого стола в России по типу польского круглого стола (весна 1989 г.) неоднократно высказывалась известным правозащитником С.А. Ковалевым.

ческая системы развитого общества не могут функционировать без института независимых арбитров, в роли которых выступают государственные и арбитражные суды, которые должны практически обеспечить равенство всех перед законом и не могут быть объектом чьих-либо санкций по любым иным основаниям, кроме отступления от закона при принятии судебного решения.

Российская судебная система в том виде, в котором она существует сегодня, – это продукт иных общественных отношений, институт, в течение многих лет и даже десятилетий действующий по иным принципам и укомплектованный людьми, привыкшими лишь в минимальной степени зависеть от закона и в огромной степени – от мощных политических и экономических интересов. Игнорировать это обстоятельство при планировании процесса реформ – совершенно недопустимая ошибка, но и полная замена штата судей, равно как и штатов правоохранительной системы в целом, – вариант технически и политически неосуществимый. Поэтому и здесь обязательным условием является своего рода подведение черты под прошлым; своеобразная амнистия за прошлые «грехи» судебно-правоохранительной системы при резком ужесточении ответственности ее работников за любые будущие отступления от буквы закона, которые в их случае должны рассматриваться как тяжкие уголовные преступления. Такая «амнистия» должна означать, например, неприменение санкций к судьям за ранее вынесенные неправосудные приговоры; однако одновременно она должна сопровождаться созданием механизма пересмотра таких приговоров: их многочисленные жертвы продолжают находиться в заключении, либо остаются пораженными в правах.

Собственность

В целом вопрос о неприкосновенности собственности ясен. Его решение зависит во многом от политического курса и воли. Но имеется некая составляющая в этом вопросе, которая вызывает существенные противоречия в обществе – это проблема крупной частной собственности, основная часть которой так или иначе связана с итогами и особенностями приватизации бывшей «социалистической» государственной собственности. Очевидно, что сегодня степень легитимности крупной частной собственности явно недостаточна, чтобы обеспечить активное участие и сотрудничество крупного бизнеса в процессе модернизационных реформ. С другой стороны, столь же очевидно, что вопрос о легитимации приватизации и возникших в ее результате отношений не имеет простого и однозначно правильного решения, так как в этом случае мотив защиты института собственности противоречит соображениям социальной справедливости, которые, в свою очередь, представляют собой важнейший элемент необходимого для успеха реформ социального консенсуса. Нужно будет принимать специальный пакет законов.

Первая часть этого пакета должна признать сделки по приватизации легитимными (кроме тех, где были совершены убийства и другие тяжкие преступления против личности) и ввести единовременный компенсационный для общества налог на чрезвычайную прибыль – *windfall tax*, при этом способ определения и величина налога – вопрос для обсуждения. Вторая часть пакета включает в себя

работоспособные действующие антимонопольные законы и законы о защите конкуренции, а также об ограничении концентрации капитала. Третья часть состоит из законов о прозрачности финансирования политических партий, об очевидности лоббирования в Государственной Думе и других органах, об общественном телевидении и целый ряд антикоррупционных законов, в том числе и об ограничениях прав бизнесменов, чиновников и членов правительства, которые воспользовались коррупционной приватизацией 90-х гг.

Также как и в случае с властью вопрос о собственности должен быть урегулирован на основе некоего компромиссного решения. Оно, с одной стороны, обеспечило бы гарантии незыблемости прав собственников при условии соблюдения ими буквы закона, а с другой, в интересах общества сформулировало бы правила распоряжения активами, которые были получены в результате бюрократической приватизации, то есть на базе нерыночных в своей основе механизмов и процедур. Конкретные схемы и варианты такого рода правил могут быть различными (например, правила оборота этих активов и участие в составе их номинальных собственников или управляющих структур нерезидентов и любого рода непрозрачных структур, и др.). Важно при этом принять такие правила, которые сведут к минимуму искажения мотивации собственников в отношении эффективности использования оказавшихся в их распоряжении активов и одновременно позволят сохранить определенный уровень контроля над их использованием с точки зрения соответствия общественным целям.

Тот же принцип должен быть применен и для легитимации собственности, приобретенной не только в процессе приватизации и с существенными нарушениями налогового законодательства. Гарантии права собственности на деньги и активы, приобретенные некриминальными методами, но без уплаты налогов, могут быть предоставлены в обмен на некоторые ограничения при их использовании (обязательный, хотя бы и временный перевод денежных средств в российскую банковскую систему, уплата постфактум подоходного налога с официальной амнистией по допущенным налоговым нарушениям и т.п.). Для того чтобы нормировать механизмы отчуждения собственности у владельца, использовавшего для ее получения особо тяжкие преступления – убийства, захват заложников и т.п., – должен быть принят закон о порядке реприватизации.

Меры доверия

Предлагаемые действия потребуют существенного изменения общественной атмосферы, хотя бы некоторой тенденции сближения народа и государства. Словами, призывами, обещаниями, программами, учитывая наш опыт, уже ничего нельзя сделать. Нужны решительные действия. И они возможны.

Если говорить о той части граждан, которую принято называть либеральной интеллигенцией, то шагом ей навстречу является амнистия М.Б. Ходорковского. Что же касается абсолютного большинства россиян, то здесь задача сложнее. Для ее решения нужно соединить имеющиеся ресурсы с реальной заинтересованностью народа и политической волей государства. Объединяющей идеей для наших

людей, реализация которой способна вызвать доверие к власти, могло бы стать кардинальное решение жилищной проблемы. Собственное жилье – вековая мечта народа в России. А уникальность нынешнего момента в том, что впервые в истории у России есть для этого необходимые ресурсы: они накоплены в последние восемь лет благодаря очень высоким ценам на нефть и другое сырье.

Старт российской модернизации должен заключаться в политике обустройства жизни абсолютного большинства граждан и экономическом освоении Сибири и Дальнего Востока, а не в Сколково, разработке новых электронных гаджетов, мобильных телефонов и нанотехнологий. С экономической точки зрения нам нужна чрезвычайная по своим масштабам общенациональная политика стимулирования и развития внутреннего спроса – действительно массовое строительство индивидуального жилья, выдача земли под строительство миллионам людей, решение «проблемы» общежитий, ветхого жилфонда, коммуналок...

Строительство жилья – мощный экономический мультипликатор. Каждый работник, занятый в жилищном строительстве, обеспечивает работой в течение года как минимум трех человек: в промышленности стройматериалов, в транспортной индустрии, связанной со строительными работами, и в торговле стройматериалами. Можно ожидать появления не менее 2 миллионов новых рабочих мест в течение ближайших двух лет.

Второй пункт программы – земля и создаваемая за счет государства инфраструктура – обеспечение водой, электроэнергией и газом. Массовая бесплатная передача земли с инфраструктурой в частную собственность под застройку семейных домов станет критическим шагом.

А третье – дороги. Жилищное строительство неразрывно связано со строительством дорог, ремонтом мостов, плотин, развитием транспортной инфраструктуры, созданием новых общественных зданий и сооружений, школ.

В самом общем виде финансирование программы «Дома – Земля – Дороги» может осуществляться за счет большей части средств Резервного фонда (755,8 млрд руб. на 1 марта 2011 г., к концу года, согласно прогнозам правительства – 1,5 трлн руб.), Фонда национального благосостояния (2 трлн 632 млрд руб. на 1 марта 2011 г.), а также некоторой части золотовалютных резервов государства. С учетом экономически обоснованных ограничений правительство вполне может выделить на строительство домов, жилья и дорог не менее 14 трлн руб. По нашим расчетам, это примерно 1,8 млрд кв. метров жилья. Это значит, что можно обеспечить 14 млн. семей жильем в среднем по 130 кв. метров на каждую семью.

Но возможно самым главным станет то, что в реализации этой программы понятный и очевидный интерес абсолютного большинства нашего народа – обретение собственного современного дома – для себя, для детей, для внуков. Это, на наш взгляд, реальный механизм разворота общественной атмосферы в сторону модернизации и жизненно необходимых реформ.

После реализации названных предварительных условий можно будет приступать и собственно к процессу модернизационных реформ, содержание которых во многом самоочевидно и потому не требует пространственных комментариев и обоснований. Основные направления и принципы этих реформ можно обозначить следующим образом.

Институты

Первым главным направлением осмысленных реформ должно стать создание институциональной инфраструктуры развитого общества.

Как и в случае с базовыми ценностями, вопрос о том, что первично – высокий уровень развития экономики или сопровождающая его институциональная инфраструктура, базис или надстройка, – не имеет простого и однозначного ответа. Конечно, процесс должен идти параллельно. Пытаться отстраивать современные прогрессивные институты и ожидать от них эффективного функционирования в бедном и застойном обществе бессмысленно. Но столь же бессмысленно и уповать на то, что экономический рост на каком-то этапе автоматически приведет к появлению эффективного и некоррупцированного государственного аппарата, независимой и компетентной судебной системы, достойных развитого государства вооруженных сил и спецслужб, современной системы образования, не говоря уже об институтах осуществления экономической политики, органах надзора за банковской и финансовой системами, честной и эффективной системе органов социального обеспечения и социальной помощи и т.д. и т.п.

Поэтому первой задачей в повестке дня будущих реформ являются институциональные реформы, первые результаты которых должны стать условием, а не «конечным пунктом» решения любых действительно серьезных задач в экономической области. Речь идет, в частности, о реформе системы государственной службы. Не об «административной реформе» как очередном слиянии-разделении министерств и ведомств и сопутствующей перетряске кадров, а именно о реформе государственной службы, призванной коренным образом изменить систему мотивации труда государственных служащих, повысить привлекательность госслужбы для людей способных, творческих и энергичных, и одновременно резко повысить требования, предъявляемые к степени их компетентности и честности. Такая реформа должна включать в себя, помимо значимого повышения тарифных ставок, создание особой системы социальных гарантий для работников государственного аппарата, системы учета и оценки опыта предыдущей деятельности, безупречных с точки зрения закона стимулов для карьерного роста, а также системы особой ответственности работников этого сектора за нарушение установленных для них правил, а также норм этики государственной службы. Содержание деятельности государственных органов должно быть подвергнуто более тщательной регламентации с обязательным усилением ее прозрачности и доступности для гражданского и парламентского контроля.

Далее речь должна идти о серьезных реформах в судебной системе. После того, как под прошлой деятельностью работников этой системы будет подведена черта, степень и механизм ответственности работников этой системы за неправомерные или необоснованные с точки зрения закона решения должны быть многократно усилены, равно как и ответственность за попытки подкупа или оказания давления на судебные органы, в том числе и со стороны органов исполнительной власти. Жесткость, а главное, неотвратимость наказания за любые незаконные или необоснованные судебные решения должна перевешивать любые связанные с такими решениями блага или отношения, а механизм

надзора за судебными решениями должен исключить возможность доминирования в нем какой-либо одной группы интересов или политической силы. Одновременно судьям должен быть предоставлен справедливый и эффективный иммунитет, в судах должен заработать механизм пересмотра ранее вынесенных незаконных приговоров.

Затем, безусловно, неотложным являются принятие и, главное, создание механизмов реализации целого ряда законов, направленных на противодействие коррупции и организованной преступности. Сегодня очевидно (да и весь мировой опыт подтверждает это), что обычными, универсальными методами побороть это зло, особенно в таком запущенном состоянии, невозможно. Необходимо создание для этой цели специальных органов и сил, наделенных адекватными возможностями, вооруженных нужными для этого инструментами и надлежащим юридическим обеспечением и несущих за свою деятельность особую ответственность. Все необходимые наработки и опыт, в том числе зарубежный, имеются, дело только за демонстрацией обязательной для начала этого процесса политической волей.

К числу наиболее актуальных и срочных институциональных реформ относится разработка механизма защиты свободы информации при одновременном ужесточении ответственности за злоупотребления ею. Как и во многих других сферах, здесь необходима срочная разработка четких и однозначных критериев правомочности ограничений на распространение информации и доступ к ней, с одной стороны, и привлечения к ответственности за нарушение норм права и профессиональной этики при использовании этой информации – с другой. В противном случае обществу никогда не удастся вырваться из порочного круга информационной непрозрачности и использования средств массовой информации исключительно в качестве политического и экономического оружия. Существование же этого порочного круга в состоянии похоронить любые даже самые добронамеренные усилия по реализации политических и экономических реформ.

К институциональным реформам следует также отнести давно назревшую и даже перезревшую реформу естественных монополий и ЖКХ, которую ошибочно или с недобрым умыслом пытаются свести к чисто организационным изменениям. Суть необходимой реформы – обеспечение открытости и прозрачности для внешнего контроля структур, действующих в этих областях, подменяется бесконечными дискуссиями об организационных перестройках (слиянии и разделении таких структур, создании новых, объединении в холдинги, перегруппировании и т.д.). Их результатом может быть что угодно, но не повышение прозрачности циркулирующих в соответствующих секторах финансовых потоков.

Наконец, к этому же направлению можно отнести реформу системы социального, в том числе пенсионного обеспечения, а также реформу трудовых отношений, которые призваны заложить в стране основы современного социального государства. Важность этих реформ ни в коем случае нельзя приуменьшать ссылками на общий низкий уровень доходов, ограниченность финансовых возможностей государства, особенности и трудности «переходного периода» и т.п. Сегодня наличие сильного социального государства – это не только продукт экономического развития, но и его условие: незащищенный работник; работник, обуреваемый

страхом перед немотивированным увольнением, разорительной болезнью и нищей старостью не в состоянии стать полноценным субъектом постиндустриальной экономики нового тысячелетия.

Стимулы

Вторым направлением в рамках предлагаемой «дорожной карты реформ» должно стать создание системы стимулов для долгосрочного инвестирования и сложных форм современной экономической деятельности. Нет необходимости убеждать нас в том, что чрезмерное вмешательство государства в экономику есть экономическое и социальное зло, источник неэффективности и злоупотреблений, причина нерационального делового поведения и существенного снижения темпов экономического роста по сравнению с потенциально возможными. Однако столь же очевидно, что грамотное выстраивание системы стимулов для притока ресурсов и предпринимательской энергии в сферы, предполагающие использование технически и организационно сложных схем, подразумевающие долгосрочные горизонты делового планирования и повышенные риски и потому неизбежно зависимые от уверенности в стабильно благожелательном отношении со стороны государства, является необходимым условием для возникновения новой экономики, конкурентоспособной в рамках современного мирового хозяйства. Отсутствие некомпетентного бюрократического вмешательства – это необходимое, но явно недостаточное условие для вхождения страны в число развитых постиндустриальных экономик. Другим таким условием, безусловно, является наличие в стране крупного цивилизованного бизнеса не столько свободного от государства, сколько взаимодействующего с ним по тем вопросам, где конкурентоспособность бизнеса в глобальной экономике напрямую зависит от конкурентоспособности государства, от его способности находить возможности снижать долгосрочные риски и защищать национальный бизнес от негативных факторов нерыночного характера. С этой точки зрения создание эффективных механизмов взаимодействия между государственными институтами и бизнесом в целом, создание для последнего положительных стимулов и возможностей адаптации к стремительно меняющейся глобальной экономической среде должны стать отдельным и чрезвычайно важным направлением процесса форсированной модернизации.

Ресурсы для будущего

Третьим направлением реформ должно стать внесение существенных преобразований в секторы, способные и призванные предоставить ресурсы для будущего экономического и социального развития – в систему образования и организацию научных исследований как сферы, формирующие необходимые интеллектуальные ресурсы, и в национальный финансовый сектор, являющийся поставщиком

капитала. Разговоры о необходимости серьезных реформ в этих секторах ведутся давно, число подготовленных вариантов программ соответствующих действий исчисляется десятками, но количество и, главное, качество реально предпринятых мер производят удручающее впечатление. В результате состояние этих критически важных для будущего развития сфер абсолютно неадекватно масштабам объективно стоящих перед ними задач уже сегодня является тормозом для экономического развития. Очевидно также, что эти сферы по своей природе не могут развиваться и функционировать вне рамок государственной политики и уже в силу этого должны быть в центре внимания любой программы модернизационных реформ.

Разумеется, список объектов реформаторских усилий, выдвигаемых в повестку дня задачей модернизации, не ограничивается вышеперечисленными направлениями. Так, например, совершенно отдельную тему составляет план необходимых политических реформ. Не было ничего сказано и о назревших реформах в сфере безопасности, в области внешней политики государства, в сфере народного здравоохранения. Да и в рамках каждого из затронутых направлений возможна дальнейшая детализация с уточнением перечня насущных задач и необходимых мер. Тем не менее главная мысль всего сказанного выше состоит в том, что тезис о якобы окончании главных реформ и их доводке и урегулировании некоторых второстепенных вопросов ложен от начала и до конца. Подлинные реформы в настоящем смысле этого слова, по существу, еще не начинались, и для того чтобы запустить их процесс, предстоит пройти долгий и трудный путь. А для этого, в свою очередь, необходимы трезвое осознание ситуации и ясная и однозначная политическая воля.

Кому делать реформы – проблема элиты

Серьезный профессиональный анализ провалов реформ 90-х и их катастрофических последствий позволяет сформулировать ответ на вопрос «что надо и чего не надо делать», «как надо делать реформы в России». Но в ответе на вопрос «кто будет делать реформы» кроется главная трудность. Сегодня главное препятствие успешной модернизации – не столько состояние массового сознания, сколько отсутствие соответствующей этой задаче элиты. Именно это (в сочетании с отсутствием понимания уроков реформ 90-х у руководства страны) стали главной причиной того, что последнее десятилетие прошло под знаком демодернизации [Явлинский 2003].

Ключевые характеристики тех, кого можно было бы отнести к элите, необходимой для осуществления предлагаемых реформ:

- профессионализм (не «узкая специализация», а преобладание медиации над инверсией, опора при принятии решений на высокопрофессиональные экспертные мнения, комплексный анализ ситуации, в кадровой политике – приоритет квалификации над личными отношениями и предпочтениями);
- бескорыстие (не абсолютное бесребреничество, но иерархия ценностей, в которой честь, долг и закон выше своекорыстных интересов);

- независимость (приоритет принципов и представлений об оптимальном способе решения поставленных задач над «политической целесообразностью»);
- способность влиять на общественное мнение;
- патриотизм (увязывание своего будущего и своих интересов со своей страной).

На наш взгляд, говоря об элите в современной России, как правило, имеют в виду номенклатуру – бюрократическо-гламурный слой, живущий совсем по другим законам, к тому же пронизанный коррупцией. Как причиной, так и следствием такой ситуации – являются разрыв между обществом и государством и отечественная бюрократическая традиция, которая, фактически, не прерывалась сменой политического строя. Более того, большевистская бюрократия стала еще более могущественной, консолидированной и казуистической, чем царская. Процесс появления первых ростков постсоветской элиты на рубеже 80–90-х гг. был прерван. Это было связано с двумя событиями 90-х: криминальной приватизацией (ваучеры и залоговые аукционы), а также коррумпированием потенциальной элиты в период выборов 1996 г. «Обмен» своего положения у людей, способных независимо и профессионально влиять на принятие ключевых решений о будущем страны, на сомнительную собственность, власть и большие, в основном, «грязные» деньги привел к исчезновению перспективы формирования элиты и торжеству номенклатуры. Это еще одно тяжелейшее для страны последствие «рыночных реформ».

Однако мы не намереваемся пересматривать подходы, устоявшиеся в теории элит, социологии и политологии. Лишь подчеркиваем, что в рамках данной статьи исходим именно из такого понимания элиты, потому что наличие такого класса, способного выработать решения о будущем страны, – необходимое условие ее развития.

Серьезный поиск ответов на вопрос «кому делать реформы» – отдельная и самостоятельная тема.

Литература

- Ахиезер А.С.* (1991) Россия: критика исторического опыта Том III. М.; Изд-во ФО СССР.
- Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (1) Доверие политикам // ВЦИОМ, База данных. <http://wciom.ru/index.php?id=169>
- ВЦИОМ (2) Одобрение деятельности государственных институтов // ВЦИОМ. База данных. <http://wciom.ru/index.php?id=172>
- ВЦИОМ (3) Интерес к политике растет или падает? // Пресс-выпуск № 1725, апрель 2011 <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111495>
- ВЦИОМ (4) Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // Пресс-выпуск № 1728, апрель 2011 <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514>
- Дзялошинский И.М.* 70% россиян выключили себя из жизни общества // http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/04/110405_russia_poll_dzialoshinsky.shtml
- Зубаревич Н.А.* (2008) Социальное пространство России // Отечественные записки. № 5.
- Явлинский Г.А.* (2003) Демодернизация. Современная Россия: экономические оценки и политические выводы. М.: «ЭПИцентр».